

Виген Туманян. Письма с фронта

Внук великого поэта погиб в 21 год

Виген ТУМАНЯН (1920-1941 год) — внук «поэта всех армян» Ованеса Туманяна. Он был радостью дела, надеждой всей большой семьи Туманянов. Когда Ованес Туманян был уже тяжело болен, маленький Виген зашел в кабинет деда, забрался на высокое кресло и тихонько разглядывал предметы, лежавшие на его письменном столе. Глядя на внука, дедушка улыбался и говорил: «Этот парень очень толковый, многого добьется в жизни. Видите, с каким вниманием изучает он жизнь, предметы, как тихо карабкается на кресло, чтобы не разбудить меня. Он согревает мое сердце, вселяет веру в жизнь».

После трагической гибели всех четырех сыновей поэта (Артавазд Туманян погиб в 1918 году от руки курдов во время отступления из Вана, а Мушег (отец Вигена), Аштик и Арег стали жертвами сталинских репрессий) он стал единственным продолжателем рода великого писателя. Мальчик был талантлив, начал рано писать стихи, увлекался естественными науками. После окончания школы он отправился сдавать экзамены в Московский геологоразведочный институт, набрал 29 очков из 35, и не был принят — в то время как другие были зачислены с 26 очками.хлопоты не помогли, на заявление Вигена Микояну стояла резолюция «Отказать». С горечью пишет он матери: «Таким, как я, директор института ставит палки в колеса».

Виген возвращается в Тифлис и здесь поступает в Грузинский политехнический институт. По возрасту его должны призвать на военную службу, но сыновей репрессированных не берут. Он идет в военкомат, требуя, чтобы его призвали, как и других: «Я хочу доказать, что я — полноценный гражданин». На протесты матери он заявляет: «И тебе не стыдно, мама, как педагогу? Пусть другие идут, а твой сын будет отсиживаться, потому что он — «единственный». Стыдно, мама!» И вот уже мама с двумя дочерьми — Анаидой (Туманян ее звал Шагик) и Наденькой провожают «длинный-длинный состав», увозящий их любимого Гугу на военную службу. Они не знали еще, что вскоре война навсегда разлучит их...

В канун 1942 года родные Вигена Туманяна получили извещение о том, что он «пропал без вести в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой». Остались от него лишь воспоминания да письма — пожелтевшие, зачитанные листки солдатских треугольников, которые невозможно читать без волнения.

Война застала Вигена в Острогжеске, где он служил. В письме сестре Идочке он пишет: «Последний раз с аппаратом я гулял 22 июня в выходной день в лагере на стадионе. И тут эта весть. Я тут же снял на память наших ребят, но не успел напечатать... И хорошо сделал, так как вскоре со всеми ними расстался. Произошло это так. Тебе уже известно, что я был в учебной роте, учился на командира. Через три дня после войны всю роту по приказу направили в училище на лейтенантов и политруков. Благодаря чистой случайности, моя фамилия была пропущена. Иными словами, я не поехал в училище. Что мне делать? Три пути передо мною: а) добиться отправки в училище; б) идти во вновь укомплектованную 1-ю роту — на фронт; в) остаться в Острогжеске в запасном полку.

Поговорив с уважаемым мною Микеладзе (из Ахалциха), я в «должности» командира минометного отделения пошел на фронт. Не знаю, умно ли поступил или нет, но так или иначе расстался с товарищами. Я ничуть не раскаиваюсь».

23 июня. Действующая армия, полевая почта ст. 86, 479 стрелкового полка, 1-я рота. Письмо Вигена матери:

«Завтра наконец-то уедем. Коварный враг нарушил священность наших границ. Родина наша в опасности. Наш долг — выполнить задачу, возложенную на нас народом, вами, тобой. Я командир минометного отделения. Минометчик со своих позиций должен уничтожить огневые точки противника, мешающие нашей атаке. Я спокоен. Я так же бодр, как тогда, когда выезжал из Тбилиси... Врагу несдобровать. Ты, мама, не тоскуй! Я взял ваши карточки. Ваши улыбки будут вдохновлять меня».

13 июля, матери: «Наконец-то доехал до места назначения, нахожусь в минометном отделении. Ребята мои, то есть бойцы — очень хорошие, им лет по 30, но уважают меня крепко — за знания и за 2 года кадровой службы».

5 августа, Тульская область, п/г Алешково: «В этой открытке уже сообщу, что участвовал в боях... Мы 21 июля подошли к г. Рославлю около Смоленска и там вошли в соприкосновение с противником...

Одиннадцать дней наша часть была в боях и все время в наступлении. На нашем участке врага порядком отеснили. Били фашистов крепко. Наш батальон взял свыше 200 человек в плен. Немцы храбры только со своими танками. Без них они убегают и сла-

ются. Одним словом, крепко будьте уверены в нашей победе. Сейчас наша часть перешла в продолжительный отдых. Я жив и здоров».

А в письме к сестре Виген пишет: «24 июля меня ранило в ногу. В этот день пуля пошла повыше колена левого в мяско навывлет и пробила диск пулемета в правой руке. Эта рана невелика, и она на ходу зажила. 1-го числа мы наступали на другую деревню (не помню названия), там ранило посылнее. Мне очень жаль, что так глупо кончилось там. Дело в том, что около бугра, за которым я лежал, приставили станковый пулемет и стали строчить. А немцы стали по пулемету бить. Я вижу, что опасно сидеть, да и погибнешь от пули, которая и не в тебя направлена. Только попробовал уползти в другое место — подальше от пулемета, как слышу: каска зазвенела, и из уха и правой кисти пошла кровь. Пуля попала в каску, расплющилась, содрала кожу с уха и виски и прошла через кисть руки, где и застряла в мягкой части. Я попробовал ее вытолкнуть, но она расплющилась и не выходила. Так что я теперь на положении приговоренного к смерти, которого во время расстрела оправдали. Что ж, еще лучше. Значит, еще поживем.

...Хочу написать о чувстве, которое появляется у нас в дороге при встрече с населением. Хочется сорвать этот бинт и бежать снова на фронт. Проезжали через Тулу. Остановка. Входят в вагоны несколько женщин-работниц с ящиками и корзинами — раздали тульские пряники, пироги, мороженое. На станциях Кавказская, Невинномысская и др. приносили яблоки, груши, молоко, яйца, огурцы, помидоры и пр. В Кисловодске к нашему вагону подошла симпатичная старушка-армянка со здоровым арбузом. И тут я услышал из уст этой неграмотной старушки замечательные слова: «Теперь наша душа здесь, а не дома. Днем и ночью глаза смотрят на улицу, ждем вас, чтобы помочь. Мой сын тоже на войне, он летчик. Где он — не знаю. Теперь вы все мои дети. Ну, а теперь ешьте арбуз». И она разрешила арбуз и раздала нам. Да, удивительно тепло встречает нас население».

С 13 августа — Кисловодск, п/я 37, 4-е отделение госпиталей (санаторий нефтяников). Здесь его навещают тетя Седа, тетя Аршик — дочери поэта. В письме от 19 августа пишет: «16-го числа сюда приехали Седа и Рубен. Я, конечно, был очень рад их приезду. За два года они первые, кого я увидел из нашей

«
Сейчас мне хочется
видеть маму больше,
чем когда-либо за эти
два года. Эх, хотя бы
еще встретиться!»

семьи. Надеюсь, они не будут последними. Тетя Седа немножко всхлинула, но, увидев, что здесь, собственно говоря, незачем тратить напрасно слезы, скоро успокоилась...»

Здесь же ему суждено было встретиться в последний раз с самым дорогим человеком — с мамой: «Мы с ней два раза виделись по три часа... пошли в город, снялись. Вчера вечером распрощались, и не знаю, где она. Когда она ушла, я еле удерживал себя, чтоб не разреветься. Сейчас мне хочется ее видеть больше, чем когда-либо за эти два года. Эх, хотя бы еще сегодня встретиться! ...Не знаю. Пока мне везло. Мне все везет, авось, доведет до конца. Говорят, кто выдворяливает, тех отправляют в сторону Еревана. Тогда встретимся», — пишет он сестре 27 августа.

Но волею судьбы его отправляют в ином направлении — на Западный фронт. 31 августа, станция Тихорецкая: «Здравствуй, дорогая мама! Наконец-то я окончил курс своего лечения в Кисловодске. 31 августа мы выехали в Краснодар. 30 августа, в день моего рождения, я поехал в Ессентуки, простился с нашими (Седа Туманян с семьей жила там.) На станции Пятигорск встретил Лиду Оганезову. Она положила мне в карман 10-рублевку «на папиросы» и отказалась принять обратно. Встретись когда-нибудь — поблагодари. Я решил не тратить. Пусть эта бумажка останется у меня, как знак доброго пожелания. Целую. Твой Гуга».

6 сентября, станция Абинская. Из письма к сестре Анаиде: «У нас объявляют набор добровольцев. Я скоро попрошусь. Лучше пойти на фронт, чем здесь болтаться. Ты это, конечно, маме не пиши...»

Пишу через два дня. Прошел комиссию. Здоров. Списан с батальона выздоравливающих. Сегодня уезжаю в часть для окончательного формирования и отправки на фронт».

8 сентября, Сталинград. У него есть немного свободного времени, и он пишет родным длинное, приправленное тонким юмором письмо: «Здравствуйте, дорогие

мама, татик, Надя и Сурма! Приехали в Сталинград. Но ненадолго. Сегодня же уезжаем. Куда — неизвестно... Возможно, завтра поедем в Москву или в другое место, а оттуда — на фронт. Возможно, по Волге — вниз. Одним словом, не будем падать, будем смело смотреть в будущее. Да здравствует жизнь! Да здравствует наша свобода, наш мужественный народ! Дорогая Наденька! Молодец, что устроилась пионервожатой. Помни слова нашего великого дела: «Честно работай, честно говори, честно живи!»

Дорогая Сурмочка! (дочка дяди — Арега). Твоя фотография у меня в кармане с комсомольским билетом. Куда бы я ни шел, я буду смотреть на нее и знать, что у меня есть в Тбилиси девочка Сурмочка, которую надо защищать от врага».

22 сентября, Сталинградская область, ст. Прутбой: «Я попал в хорошую часть, командование прекрасное. Отношение ко мне хорошее. Мне дали взвод и 3 миномета, авторитет у меня есть. Долгое время печалило то, что нет земляков-кавказцев, сейчас есть один грузин, два ингуша, один грек. Я стал почти артиллеристом, изучены артиллерийские приборы: буссоль, прицел и др. Я очень счастлив, что мои знания в математике здесь оказались необходимыми. Мне гораздо легче, чем другим командирам. Сегодня наводили веером. Очень хорошо. Одним словом, твой сын почти батарец. Очень возможно, что мне придется стать командиром взвода, то есть в должности, которую должен занять лейтенант. Окончен третий месяц войны. До свидания! Целую. Привет всем. Гуга».

2 октября 1941 года, ст. Кубинка, Московская область, Звенигородский район: «Дорогая моя мама! Последнее письмо прислал я со Сталинградского вокзала. Уже три дня нахожусь в лагере под Москвой, в 60 км... Когда поедем, не знаю. Хочется быстрее, потому что долгое пребывание в лагере выводит из себя. Я писал, что являюсь командиром взвода. Теперь нам дали лейтенанта. Я являюсь его помощником. Командир взвода молодой. Только что окончил училище в Телави, на фронте еще не был, но ведение огня знает хорошо. Позавчера стреляли на 800 метров. Очень хорошо стрельнули. Жаль, что не могу получить от тебя писем. Ну, ничего. У меня есть от тебя письма и карточки. До свидания, дорогая мама! Виген».

Это было последнее письмо Вигена. Спустя годы мать Вигена Мария Туманян-Сокальская напишет в письме к Тамаре Туманян: «Не умолкает в моей душе голос двухлетнего Вигена, когда у меня на коленях он с удовольствием проносится. «Ты тут, и я тут». Но никогда не вижу я его во сне... Память о нем согревает мои уходящие дни... Он с нами жил — и это было счастьем отца и матери, оправданием их жизни... Его уж нет. Но он жил, радовал нас, вселял надежды, будил высокие мысли...»

М. БАГДАСАРЯН,
сотрудница Дома-музея
Ованеса Туманяна